

АЛЕКСЕЙ САБУРОВ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

*Все совпадения в производстве
носят случайный характер*

Сабуров, Алексей Владимирович.
С12 Антихакер / Алексей Сабуров. – Москва : Эксмо, 2023. –
352 с.

ISBN 978-5-04-188233-4

Талантливый специалист IT Марк Озеров занимается проверкой систем защиты компаний от хакерских атак. После выполнения одного из заданий он получает электронное письмо с просьбой помочь разобраться в деле самоубийства некой Марины Зайцевой. Якобы с ее почты конкурентам были переданы очень ценные сведения, после чего девушка была уволена с работы, впала в депрессию и в результате свела счеты с жизнью.

Марк соглашается помочь. В ходе расследования у него возникает ощущение, что некоторые трагические события последних дней жизни Марины были специально подстроены. В то же время Марк понимает, что его втягивают в чужие грязные дела, и решает выйти из игры, как ему кажется, навсегда.

Но эта история только начинается. Через несколько дней в дом Марка врывается киллер...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188233-4

© Сабуров А.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Марк

ГЛАВА 1

Марк Озеров предпочитал работать ночью. Даже глубокой ночью, после трех. Он подкатился к рабочему столу. Два безрамочных двадцатичетырехдюймовых монитора Alienware уже светились мягким приглушенным светом, геймерские клавиатура и мышь отвечали им своей подсветкой, словно дразня. Выглядело это в темноте комнаты как рубка межзвездного корабля из фантастики девяностых. Справа от стола на расстоянии вытянутой руки высились башни-близнецы компьютерных корпусов, напичканные самыми современными платами, скоростными видеокартами и объемными дисками памяти. Их мощные вентиляторы равномерно гудели, точно двигатели, прогреваемые перед запуском. В общем, так и было, Марк собирался снова улететь из этой обустроенной комнаты в коттедже под Екатеринбургом в опасный сетевой мир. Стоило только ввести правильный приказ в командной строке. Слева в качестве резерва на алюминиевой подставке со встроенным охлаждением был приготовлен ноутбук с изображением головы инопланетянина на закрытой крышке — тоже Alienware. Иногда его помощь была ох как нужна.

Вся техника была черного цвета: Озерову нравился этот простой и надежный цвет, без хайтековских загонов

под металлик или еще хуже — хипстерских цветных ярких пятен. Дополняли стол стильные треугольники колонок Bang & Olufsen, конечно, того же беспроектного цвета. Хорошая музыка в идеальном звучании действовала как банка Red Bull — не давала заснуть и выдохнуться. Марк нажал на Random play, и из архива размером с Марианскую впадину нехитрый алгоритм выбрал «Smack my bitch up» от Prodigy. «Одно из лучших вступлений в истории музыки», — с радостным удовлетворением подумал Марк и ввел сетевой адрес сервера «Кузбасской угольной компании» в поисковую строку. В этот момент мощные ударные ворвались в гипнотизирующий ритм начала песни. Понеслась.

Разница во времени с Кемерово — два часа. Он мог сегодня начать раньше, немного за полночь: в Сибири уже наступало мертвое время. Даже если система, которую он взламывал, заметит это и отправит тревожный сигнал своему администратору, тот вряд ли вылезет из пригретой постели, чтобы проверить, что же там случилось. После трех ночи мозг, который уже уснул, всегда отговорит от подъема даже самого добросовестного работника. В это время любая дебильная задача уж точно может подождать до утра, пусть даже за это и заплачены деньги, может, даже и большие, но всегда недостаточные, чтобы прерывать самый лучший и глубокий предутренний сон.

Сетевой адрес Марк получил от заказчика. Этот заказ был немного странный, впрочем, любая операция всегда имела собственные заморочки. Ему требовалось проскользнуть на сервер компании, затем сломать управленческую программу и скачать годовой финансовый отчет. Но на этом миссия не заканчивалась. Зачем-то нужно было еще пробиться на внутренний почтовый сервер жертвы и отправить добытые документы с одного из почтовых ящиков. Ну, и наконец стереть цифровые отпечатки своего вторжения с электронных каталогов компьютера.

Сканирование портов всегда было первым шагом при любой атаке, это как осмотр стены в поиске дверей, калиток и других проходов, которыми пользуются люди, чтобы общаться с внешним миром. Нет ни одной крепости без ворот и ни одного замка без потаенного хода — в этом и заключена главная возможность для разведчика. Конечно, можно вскарабкаться на стену, но лучше сначала подергать за ручки дверей и форточек. Да, порты еще говорят, с кем ты имеешь дело, как язык тут же отличает русского от француза, немца или испанца, особенно если ты полиглот. «Кузбасская угольная» использовала сервер на Windows, и Марк прекрасно знал, на каком языке нужно разговаривать, чтобы вскрыжить его электронную голову. Быстрым нажатием клавиши он открыл папку «Для Винды» и начал запускать заготовленные программы. Его прокачанные боевые машины и оптическая выделенная интернет-линия позволяли наносить противнику миллион уколов в секунду, пока слабое место не будет найдено.

Первая запущенная программа проверяла код на существующие лазы от старых взломов. Если хакер уже проделал дырку в системе, то обычно он старался зашить в ней команду для своего использования или последующих вскрытий. На своем языке называя ее бэкдор. Этим всегда можно воспользоваться знающему человеку, как плохо прибитой доской в заборе, о которой известно только своим. Но результатов поиск пока не дал: или сервер еще девственен, или администратор внимательно следил за своими угодьями и закопал вражеские ходы.

Вторая программа исследовала ошибки самого кода. Любое программное обеспечение всегда имеет слабые места, ведь пишут ее люди, а людям свойственна лень, безалаберность и просто некомпетентность. Поэтому рабочая и проверенная временем программа вдруг начинает вести себя неадекватно при получении совершенно неожиданного для нее приказа. Какая-то строка программного кода

становится неуправляемой, вернее, ее тащит в другом, нужном взломщику направлении. Разработчики борются с этими «уязвимостями», как они слажено называют свое разгильдяйство, и выпускают одно обновление за другим, в которых зачищают обнаруженные ошибки. Но администраторы компаний за бесконечной очередью текущей работы или в связи с абсолютно теми же человеческими недостатками, что и у программистов, постоянно забывают их устанавливать. Да и орды хакеров всего мира ищут новые способы проникнуть за цифровые стены, и усилия тем настойчивее, чем популярнее приложение и богаче разработчик. Microsoft у них в особом почете. Он даже удостоился нескольких кличек и аббревиатур: Мелко-мягкие, Мелкософт. Марку нравилась аббревиатура M\$. Деньги Гейтс греб ковшом самого большого в мире бульдозера.

Озеров, не останавливаясь, запустил третью программу. Ее сущностью было выявить имена пользователей сервера. Накануне вечером он посерфил корпоративный веб-сайт кузбасской компании и создал список возможных английских вариантов написания фамилий всех работников, которых нашел. Администраторы не выдумывали ничего нового, раз за разом называя учетки тремя-четырьмя способами: Ivanov, alexeyivanov, aivanov, a.ivanov. Кроме фамилий он добавил еще и несколько простых юзернеймов, таких как admin, user123, director, test. Зачастую созданные при настройке или тестировании эти имена не имели пароля совсем или тот был просто бутафорией.

Оставив программы копать и ломать, Марк вернулся к информации, полученной от открытых портов (там очень часто прятались ключики от квеста), и в сертификате службы шифрования он обнаружил новое для себя имя пользователя. Если повезет, то это мог быть логин администратора, который устанавливал сервер. Найти администратора — это всегда важно, потому что у него, как

правило, полный доступ ко всему. Марк тут же добавил имя в список проверки.

Программы начали отчитываться о проделанной работе. Скрытых тропинок от былых проникновений не обнаружилось. Марк не особо переживал по этому поводу, хотя по статистике, которую он читал, больше двадцати процентов всех серверов вскрыты и их владельцы даже не догадываются об этом. Зато проверка по пользователям дала отличные результаты: он теперь знал четыре логина, в том числе подтвердился и пользователь из сертификата службы шифрования. Теперь можно было выпускать «Дурачка». Программа, конечно, называлась по-другому, но Марк относился к ней с особой нежностью и называл по-своему. Она с бешеной скоростью пыталась вскрыть уже рассекреченные логины, подбирая отмычки в виде незамысловатых наборов букв и цифр из базы «Самые популярные пароли». Алгоритм был простой, но именно программы-дурачки приносят самые высокие цифры взлома в мире. Люди все-таки очень похожи друг на друга по глупости и самоуверенности. И когда Озеров в очередной раз читал в новостях, что обнародованы данные пользователей популярного интернет-ресурса, он явственно представлял, как по каждому из этих миллионов учетных данных уже настойчиво, как стрелки часов, работают эти неутомимые электронные черви. И пару жертв «на дурака» они точно накапливают.

Загрузив в «Дурачка» раскрытые имена, Марк отправил его в экспедицию за паролем. Этот поход мог затянуться, хотя программа и подставляла несколько десятков тысяч паролей в секунду от классических P@sw0rd до вариаций на тему фамилии, именно поэтому логин типа Ivanov1985! — это ключ, который лежит под грязезащитным ковриком с говорящей надписью WELCOME!

Марк представил, что происходит в этот момент в прохладном темном помещении с табличкой «Сервер-

ная» на входной двери. Именно сейчас сервер почувствует, что в его дверь начали ломиться незваные гости. Как он отреагирует? Сообщит администратору о нездоровой активности? Это было не страшно: с учетом позднего времени вряд ли тот на ночном дежурстве. Если бы Марк пытался проникнуть в банк или маркетплейс, то его бы раздавили со скоростью «Формулы-1», несмотря на часть суток: там с этим строго. Но менее зацикленные на интернете компании, пусть даже и крупные, беспечно считают, что их электронная собственность в безопасности. Они очень часто вкладывают большие деньги в сигнализацию в помещениях, видеонаблюдение, нанимают охранников, но самый популярный для преступлений – интернет-канал защищает неумелый администратор, да и то лишь в рабочее время. А администратор неумелый, потому что всех, кто по-настоящему смыслит в программировании, хищнически разобрали те же банки, маркетплейсы и другие IT-разработчики.

Ничего не происходило. Соединение работало. Марк ожидал, что кемеровский сервер отключит его неожиданно активный IP-адрес, но тот благосклонно позволял себя мутузить. Честно говоря, отключение бы не помогло, потому что Марк всегда работал через симулятор IP-адреса, и при бане одного адреса тут же подключался другой, затем следующий и следующий... А их число где-то близко к бесконечности. Это позволило бы только немного притормозить процесс.

Можно было подождать, возможно, активированные программы выполнят свои задачи. Дисплеи показывали загружаемые команды и ответы атакуемого сервера на них. Строки английских слов, цифр, знаков заполняли синий фон экрана, сдвигались вниз новыми строками, скрывались за нижней кромкой мониторов. Компьютеры справа издавали мышинные писк и звуки скребущихся когтей, точно десятки крыс своим шебуршением обеспе-

чивали их работу. Озеров наслаждался этим звучанием нагруженных видеокарт и раскрученных до максимальных скоростей жестких дисков, ему нравился особенный голос его машин, точно они были живыми. Точно он был не один. The Offspring из черных колонок весело вещал, что «дети не в порядке». Но у Марка все было как надо.

Он снова вернулся к открытым портам. Современные тенденции на удаленную работу, доступность данных из любой точки мира сделали прорыв в производительности, но порядком изрешетили защиту. Марк нашел еще один сертификат с новым сетевым адресом. При вводе его загрузилась страница входа в CREATIO. Что за неведома зверюшка? Быстрый поиск «creatio» в Google выдал, что это CRM-система. Вот это уже была несомненная удача. Если пароли для сервера обычно раздает администратор и старается сделать их сложными и надежными, то CRM-кой пользуются обычные сотрудники, и им надо как-то запомнить очередной пароль, а для этого он должен быть удобным и очевидным для них. Марк снова запустил проверку пользователей из списка, добытого на сайте компании. И совпадений оказалось целых пять. «Дурачок» принялся за новый вызов, как проголодавшаяся крыса, мелко стуча острыми цифровыми зубками. Теперь ко взлому был подключен и ноутбук, чтобы не тормозить уже запущенные процессы.

Именно инопланетянин и вытащил первый выигрышный билет. Пользователь с именем test сдал положительный тест с популярным паролем разработчиков lqazxsw@. Возможно, отладчики системы забыли удалить пользователя после запуска, возможно, посчитали, что пароль лучше, чем qwerty123, и можно не заморачиваться. И скорее всего сисадмин даже и не знал об этом. Но Марк уже был внутри CRM и думал, как это можно использовать. Этот прорыв не вел его автоматически к цели. Ему нужно было взломать финансовую программу.

Естественно, test имел самые широкие права администратора, иначе ничего не испытаешь и не отладишь, поэтому в программе CRM Озеров мог найти что угодно. Главное — было понять, что искать. Его все так же интересовали данные пользователей. С его-то полными правами они были как в кружке оптического прицела. Марк скопировал всех пользователей, включая администратора, с их паролями и начал вводить по очереди в форму входа на сервер. Конечно, Озеров рассчитывал, что подойдет именно пароль админа, тогда бы он получил на сервере максимальные права, чтобы ничто не мешало ему расправиться с финансовой системой, но тот грамотно вводил разные пароли для каждого из ресурсов. Сработал один из новых пользователей z.koltsov, имени которого не было на сайте, но, видимо, обладавший высокой властью, чтобы иметь допуск и в CRM, и на сервер. Его пароль был надежен, и его нельзя было подобрать с помощью «Дурачка», но он оказался слишком самоуверен, используя его несколько раз. Было бы идеально, если бы его данные подошли и дальше.

Суперправ у некоего Кольцова не оказалось, и сервер все еще не был захвачен. Но тот, безмятежно сопя сейчас под теплым одеялом, послушно открыл следующую дверь, которая вела на финансовую кухню компании, с помощью того же логина и пароля Озерову удалось зайти в 1С. Марк остановил всех своих взломщиков. То, что они не дали результата, можно было признать как крепкую работу защитников. Пароли выдержали его натиск, а системные болячки программного обеспечения были пролечены. Чаще всего информационные крепости быстро сдавались, но Марк ведь и не пытался штурмовать настоящие цитадели банков и интернет-компаний: против них работают только командами, а осады тянутся неделями.

Разобравшись в структуре 1С, Марк сформировал требуемый заказчиком отчет и скопировал его себе. Первая

часть задания была выполнена. Он глянул на часы. С начала атаки прошло шестьдесят семь минут. По ощущениям Озерова прошло не более десяти минут, настолько его захватило действие, впрочем, как всегда.

Компьютерная программа корпоративной электронной почты, которую нужно было сломать, крутилась на этом же сервере, что облегчало работу. Будь это отдельный сервер или, еще хуже, федеральный почтовик, это могло бы весьма затянуть или вообще поставить выполнение задания под угрозу.

Почтовому ящику редко достаются простые пароли. Именно в электронной почте у человека лежит самое ценное: мысли, слова, дела — в целом взаимоотношения с другими людьми. Сейчас туда еще приходят счета, банковские выписки, коды доступа для всех остальных ресурсов. Долгая история существования почт изобиловала взломами, потерями паролей и скандалами, случившимися после этого. И так уж сложилось: пароль на почте самый матерый из всех существующих. А почтовый сервер — это вообще как подземное банковское хранилище. Только наличие мощных инструментов и достаточного времени позволит распечатать его. Поэтому не трата время на подбор пароля, Марк сразу перешел к другому набору оборудования.

Он мог продвигать атаку двумя способами. Первый из них — установить снифер — программу, которая отслеживает весь сетевой трафик, проходящий через сетевой интерфейс, и перехватывает пакеты данных, в которых будут и имена пользователей, и пароли. Но этот обмен начнется только утром, а по условиям задания он должен получить результат до начала рабочего дня. Кроме того, опытный системный администратор может увидеть сбой в системе и отследить как саму атаку, так и направление, откуда она ведется. Во втором варианте, находясь внутри сервера, он мог запускать патчи, направленные на изме-

нение конфигурации системы, и подменить администратора системы собой, получив полные права. А с высоты этих прав уже накинуться на почтовый сервер и заставить его поделиться ключами от своих замков.

Последний вариант Марк признал предпочтительным и включился в рутинную работу. Пальцы летали по клавиатуре, рассылая приказы компьютерным войскам: кому какой редут следует штурмовать. Для начала он вывел из строя антивирус, применив несложную программу, разрешающую любые действия пользователя. Спящий господин Кольцов, ведомый руками Марка, начал проверять одну возможность за другой: получение пин-кода для аутентификации смарт-карт с помощью запуска NT-хеша, дискредитация тикет-системы, чтобы изготовить себе «золотой билет», который дает полный доступ, атака на файлы групповой политики с целью выдачи пароля для ее смены. Марк без устали вводил свои алгоритмы, точно средневековый алхимик заклинания. Синий экран мельтешил командами и ответами на них, отображая схватку техники и человека. Борьба вовлекала, заставляла думать, ругаться, кидать все новые силы, как будто это и не искусственный интеллект противостоял Марку, а настоящий противник из плоти и крови. В один момент зазвучал сигнал телефона. «Черт! Уже четыре часа», — подумал Марк, а значит, в Кемерово пробуждался новый день, и пора было сворачивать удочки и заметать следы. Ничья.

Марк сегодня не смог обыграть компьютер. Тот был качественно настроен, и владелец внимательно ухаживал за его состоянием. Если бы не забытый пользователь в клиентской программе, то исход поединка мог быть совсем не в пользу взломщика. Впрочем, еще не все методы проникновения были использованы. Если задаться целью и запастись временем, то результат поединка будет совсем другим. Впрочем, на том часто и строится защита: что нападающий охренеет от преград и пойдет искать другого

лоха. Позволить себе идеальную защиту, как у банка, не может себе почти никто. Марк снес память сервера о выполненных командах, стер свои изменения в исходном коде и, не удержавшись в гранях заказа, все-таки установил сниффер и замаскировал его среди груды приложений Мелкософта. В крайнем случае это будет очередной проверкой для IT-персонала кузбассцев.

Оборвав песню Нелли Фуртадо, Марк выключил свой обуглившийся в боях межгалактический истребитель. Турбины вентиляторов стихли, и диски, крутанув несколько оборотов, удивленно замолчали. Наступила абсолютная тишина. Раздражающий свет раннего летнего солнца уже проникал в комнату. Лесной коттеджный поселок, и так хранивший спокойствие и молчание тайги, в этот час светлой ночи словно вымер. Даже птицы, даже насекомые еще не решались проснуться.

Марк откинул голову на спинку кресла. Постепенно напряжение работы стало отпускать его, уступать место усталости, удовлетворенной выполненным делом, и, наконец, сну. Сейчас он доберется до кровати и заснет на пять-шесть часов. После, позавтракав, ему нужно будет написать отчет для «Кузбасской угольной компании» о выявленных уязвимостях их системы защиты данных, показать свой путь взлома, чтобы исправить эту ошибку, а также рассказать о неудаче взлома их почтового сервера. Еще от него ждут письменные рекомендации о защите от хакерских атак. Все согласно официально подписанному договору.

ГЛАВА 2

Проснулся Марк поздно, уже почти в одиннадцать. Солнце свысока палило в окна его спальни, насмехаясь над недостаточно плотными шторами. Но у него свободный график — может себе позволить! Марк умылся,

позавтракал и вернулся в свой кабинет. Днем тот слабо напоминал кабину истребителя из «Звездных войн», свет и кофейный запах сделали из его боевой машины обычный офис. А может, и настроение так влияло на внешний вид комнаты. Ведь начиналась та часть работы, которую Марк не любил: одно дело сражаться, другое — составлять рапорт о битве. Он мечтал повесить на скучные светло-серые стены постеры из его любимых фильмов Тарантино, чтобы дать понять, что от невыносимой офисной тоски никто здесь не страдает. Но в очередной раз откладывал их заказ, потому что снова бы пришлось вызывать мастера, чтобы развесить рамки по стенам, а Марк терпеть не мог демонстрации своей слабости.

Чтобы собраться и настроиться на окончание работы, Озеров открыл Google Maps, выбрал режим панорамы и, как бестелесный ангел, спустился на улицы Флоренции. С помощью мышки он побродил по Пьяцца ди Сан-Джованни, разглядывая местные магазинчики и одноименный с площадью баптистерий. Совсем рядом на Пьяцца дел Дуомо восхитился розовым мрамором и гениальной симметрией Колокольни Джотто. Щелкнул на сам Дуомо и залюбовался на расписной изнутри купол символа этого города. Затем одним нажатием оказался у Давида в толпе туристов, навсегда остановленных здесь камерой Google. Перепрыгнул на Золотой мост и прогулялся среди еще закрытых в момент съемки средневековых торговых лавок, задержался в середине моста из-за классического вида на другой мост через реку Арно — Санта Тринита. И уж после, как обычный турист углубился в путаный узор узких улочек между массивных, точно крепости, зданий, которые видали здесь всех звезд Возрождения.

Марк наслаждался. Путешествия давали ему магическую силу жить. Всего-то и нужно было нажать на электронную карту, и можно было забыться, бродя среди тщеславной архитектуры Лондона или дерзких небоскре-

бов Токио. И каждый раз в какой-то момент Марк забывался, и ему казалось, что его ступни ощущают камень, бетон и асфальт далеких улиц, как настоящие.

Вдохновленный прогулкой Марк открыл электронную почту, чтобы разобрать утренние письма. Писем было совсем немного. Его многочисленные друзья жили в разных уголках страны, а то и планеты. Большинство это были программисты или выходцы из околокомпьютерного мира, и сейчас сидеть на месте у них уже было не принято. Сегодня бурят Кеша жил в Улан-Удэ, а через год слал селфи с видом на «Золотые ворота» и дивился тому, что с ним все пытаются заговорить по-китайски. Но «мыло» они уже давно заменили «Телегой». Электронной почтой пользовались клиенты, интернет-магазины да коммунальные службы, высылая договоры, счета, акты сверок и подтверждения заказов. Какое-то время назад спамщики начали заваливать Марка письмами, навязчиво предлагая ненужные товары и услуги, но он написал программку, которая в ответ засыпала ящик отправителя бесконечным количеством писем с требованием удалить его адрес почты из списка рассылки и тем самым блокировала работу чужого почтового ящика. Это привело к тому, что организаторы рекламных рассылок начали страшиться вредного юзера и чуть ли не вручную исключали адрес почты Марка из своих списков. Так он стал одним из немногих людей на Земле, имеющих интернет, кто победил почтовый спам.

Однако сегодня одно из писем напомнило ему забытый формат. Отправителем письма был совсем незнакомый Марку Виктор Решетников, а в теме письма было написано: «Марк Александрович, прочитайте обязательно!» Обычно под таким заголовком предлагают абсолютный мусор, а обращение легко подставляет современная программа, которая может взять его данные оттуда же, откуда украли его адрес почты, — из интернет-заказа. Интернет-магази-

ны кровью клянутся хранить и защищать личные данные покупателей, но делают это исключительно безалаберно, и очень часто любой сотрудник может без труда скачать базу клиентов с именами, телефонами и адресами почты, а после продать ее за сущие копейки очередному проекту в Сети. Радует, что хотя бы данные банковских карточек мы вводим в интерфейсе самого банка.

Марк хотел было уже выпустить своего цифрового Гая Фокса, подорвать ящик безрассудного рекламщика, но вдруг вспомнил это имя. Ночью «Виктор Решетников» был одним из пользовательских имен, которые он заносил в базу для взлома сервера, значит, он видел это имя на сайте «Кузбасской угольной компании».

Марк открыл письмо, профессионально поискал странные, а потому, скорее всего, вредоносные ссылки и, не найдя ничего опасного, прочитал:

«Уважаемый Марк Александрович, я работаю в ПАО «Кузбасская угольная компания» в финансовом отделе и взял Ваши данные из договора на услуги по проверке безопасности корпоративной сети, который вы заключили с нашей компанией. Договоры на услуги проходят через меня, поэтому мне не пришлось ничего взламывать. Так как подобных услуг я раньше не встречал, и, чтобы отнести их к правильному виду затрат и проверить целесообразность цены за них, я прочитал техническое задание. В нем написано в том числе: «... в ходе теста на проникновение скачать годовой финансовый отчет Заказчика из учетной финансовой системы, расположенной на сервере... проникнуть в программу почтового сервера и отправить данный файл с любого внутрикорпоративного почтового адреса...» Мне это очень напоминает одну историю, которая произошла в этом году в нашей

компании. Более ярко о случившемся, я думаю, Вам расскажет статья на ngs42.ru (это наш городской новостной портал)».

Марк перешел по вложенной ссылке и открыл страницу кемеровского новостного сайта NGS42 Кузбасс Онлайн. Заголовок сразу расстреливал крупными буквами:

В СМЕРТИ ДЕВУШКИ ИЗ КЕМЕРОВА ВИНОВАТА
КРУПНАЯ УГОЛЬНАЯ КОМПАНИЯ?

Под заголовком была размещена фотография молодой женщины крупным планом. Она стояла вполоборота, наблюдая за кем-то в стороне, приложив к уху телефон, на фоне витрины магазина NewYorker. «Миловидное личико», – подумал Марк. Короткая, почти пацанская стрижка, маленький носик, тонкие, ярко покрашенные губы, худая длинная шея – сама изящность. Но Озерову показалось, что вряд ли этот снимок выхвачен из жизни: ровный припудренный цвет лица, никаких мешков под глазами, нарисованные брови, идеально свежий маникюр на пальцах, удерживающих сотовый. На таких фотографиях незаметные в жизни девушки вдруг начинают выглядеть, как голливудские актрисы. Правильный ракурс, хороший грим – и страничка в «Инстаграм» убеждает в твоей неотразимости. Марк был уверен, что снимок был взят из какой-то социальной сети или аватарки.

«Всего три дня назад, – начиналась статья, – 21 июля родственники, друзья, одноклассники и сокурсники попрощались с тридцатидвухлетней Мариной Зайцевой, которая в ночь на 18 июля покончила жизнь самоубийством, отравив себя чрезмерной дозой таблеток. Но сослуживцы Марины не пришли на эти похороны

за очень редким исключением. Что же случилось с жизнью молодой кемеровчанки?

Как стало известно нашему изданию, Зайцева была уволена с «волчьим билетом» из ПАО «Кузбасская угольная компания», где она работала экономистом в финансовом отделе, за раскрытие коммерческой информации в феврале этого года. После этого всем сотрудникам угольной компании было запрещено поддерживать с ней любые отношения под страхом немедленного увольнения. Все возможности для трудоустройства в городе для Марины Зайцевой были закрыты. Информация о неблагонадежности Марины Зайцевой была распространена по внутренним каналам отделов безопасности среди всех угольнодобывающих предприятий региона, а также среди их поставщиков и клиентов. Как говорит один из строительных подрядчиков «Кузбасской угольной», нам было четко донесено, что в случае обращения Зайцевой о приеме на работу отказать, иначе могли бы возникнуть сложности с продлением нашего контракта. В «Кузбасской УК» явно хотели проучить Марину и на ее примере показать свою силу и катастрофичность действий, направленных против них. Кроме того, пользуясь влиянием на администрацию области, угольщики закрыли возможность трудоустройства и в любые региональные и муниципальные предприятия Кемеровской области.

Марина попала в ситуацию, когда она долгое время не могла устроиться по специальности и ее финансовое положение стало отчаянным. Она перестала платить по кредитам и жила только на пособие по безработице. Это усугубилось разрушением и личных отношений. Ее муж подал на развод, и, по словам матери

Марины, они с февраля уже не проживали совместно. Детей у пары не было.

Денежные и семейные проблемы, отсутствие работы и постоянные отказы работодателей, резкая потеря взаимоотношений с коллективом привели к тому, что Марина часто находилась в депрессивном состоянии. Соседи нередко видели ее в состоянии алкогольного опьянения. И вот в какой-то момент, оказавшись в одиночестве, без поддержки семьи и, видимо, в глубокой депрессии, Марина Зайцева и совершила этот безвозвратный шаг.

Имела ли хоть какое-то право – юридическое или моральное – «Кузбасская угольная компания» начинать эту травлю? Стоит ли жизнь человека любой коммерческой тайны? Знаем ли мы все события, которые привели к гибели образованного специалиста и молодой женщины? В этих вопросах постараются разобраться правоохранительные органы. Но, зная уровень влияния одного из крупнейших предприятий нашего региона на власть, нам кажется, что мы можем не дожидаться честных ответов.

Ирина Белохвостикова».

Дочитав статью, Марк попробовал сопоставить факты со своим заданием. Девушку было жаль, но он не мог уловить пока связи. Тогда он вернулся к письму от Виктора:

«Думаю, Вы в некотором недоумении, как эта история связана с Вами и зачем я пишу это письмо. Я в курсе утечки, в которой обвинили Марину.

В начале февраля обычно готовится годовой финансовый отчет компании. Так как наша компания публичная, то и отчет, и мнения о любом

из его аспектов со стороны сотрудников компании являются абсолютно закрытыми и регулируются законом об инсайдерской информации. Цена акций компании на фондовом рынке очень сильно зависит от результатов деятельности, и, как Вы понимаете, если узнать эти данные заранее, то можно хорошо заработать, зная это. В начале февраля отчет еще не совсем готов, но основные показатели уже получены. И наши безопасники в этот момент обнаруживают, что Марина со своей корпоративной почты отправила этот финансовый документ в инвестиционную фирму «Май финанс»!

Вообще-то такой поступок с ее стороны максимально глуп. Почты наши контролируются, и остаться незамеченным было почти без шансов (я пишу Вам, конечно, с личной почты). Если бы Марине нужно было скинуть этот файл, то она бы распечатала его (возможности скопировать на носитель у нас в отделе нет) или сфотографировала на телефон. Если подумать, то найдутся еще возможности, как это сделать, не скомпрометировав себя.

С другой стороны, я хорошо знаю Марину и уверен, что эта «кража» не в ее характере совсем. И, более того, я знаю человека, который бы хотел отомстить Марине.

Теперь на фоне новостей о вине нашей компании в смерти Марины наше руководство готовится к защите своего имени и положения. Ваш отчет им нужен лишь для того, чтобы доказать общественности (до суда вряд ли что-то дойдет), что хакер не имел возможности взломать систему и скинуть это письмо с электронной почты Зайцевой, а то такие предположения уже высказывались на форумах. Но Вас использовали втемную. На самом деле им не нужна правда

о том, как это произошло. Даже наоборот, им нужно скрыть эту правду, ведь если Марина невиновна, то вина компании становится в несколько раз тяжелее и заметнее.

Я прошу Вас помочь в этом деле и найти настоящего виновника истории с письмом. У меня есть зацепки, но, мне кажется, только Вы способны разобраться в этих взломах, серверах, письмах: здесь нужен компьютерный эксперт, причем независимый, как Вы. Правда скрыта где-то совсем рядом.

Помогите!

Виктор».

«Бред какой-то», — подумал Марк. Ему только не хватало влезть в разборки журналистов с угольными олигархами. Да еще использовать информацию, полученную в результате тестового взлома, вопреки пунктам договора и здравому смыслу. Девушку было жалко. Даже если она и совершила приписываемый ей поступок, то реакция компании казалась излишне жесткой. Как будто она попала под каток асфальтоукладчика, который давит, не разбирая, что там: строительная смесь или случайно залетевшая бабочка. Но сама компания после прочитанной статьи вдруг стала неприятна ему, и еще то, что его использовали не совсем открыто, поддушивало гордость Марка пренебрежением к нему лично. Но все это не могло вызвать у него желания отплатить. А помочь? В письме были по большей части эмоции Виктора, основанные на личном знакомстве. Сколько раз люди, жившие с насильниками и серийными убийцами, не могли поверить в их преступления. Слить файл — это даже не шоколадку стибрить из магазина, намного проще. Ничего физически не происходит, просто нажимаешь пару кнопок, и документ сам летит, куда ему нужно. Возможно, у Виктора есть ка-

кие-то зацепки, но он ясно дает понять, что ему нужно больше информации, а откуда информация у Марка, понятно: в его способности ее достать. А вот применить эту способность значило подставить свою деловую репутацию и, возможно, нажить проблем с законом.

Марк нажал «ответить» и защелкал по клавиатуре:

«Уважаемый Виктор, к сожалению, я не располагаю временем, чтобы погрузиться в решение Вашей проблемы. Если Вам кажется, что здесь что-то нечисто и у Вас есть доказательства, что кто-то виновен в смерти человека, то рекомендую обратиться в полицию.

С уважением,
Марк Озеров».

Он еще раз прочитал ответ, говоря себе, что не обязан отчитываться о настоящих причинах отказа, и нажал «отправить». После этого Марк углубился в отчет для угольщиков о проблемах организации защиты сервера и путях их решения. Тот занял больше времени, чем взлом. Марк подробно описывал свою работу и иллюстрировал свои действия скриншотами ночной атаки. Только около пяти вечера он, голодный как Голлум, поставил заключительную точку, и это еще благодаря тому, что большую часть рекомендаций скопировал из своих предыдущих отчетов. Однако одна маленькая деталь оказалась не отражена в многостраничном документе. Марк все больше думал о Марине Зайцевой, с которой обошлись не по-человечески. Если ее нужно было наказать, то судили бы! Показали бы улики, достали бы доказательства. Пусть кто-то, облеченный на это властью, принял бы решение. А так это походило на расправу в духе Козимо Медичи. Каждый, кто силен, пытается поставить себя выше закона.

Марк не понимал, не отдавал до конца себе отчет, почему он так сделал. Может, из глупого желания маленького человека отомстить большой корпорации? Чувство походило на жжение в груди перед каким-то волнующим событием, и риск только подогревал этот огонь. Марк Озеров не написал в отчете, что установил вредоносное программное обеспечение, которое могло передать весь сетевой трафик сервера клиента ему.

ГЛАВА 3

По стеклу пробежала трещина, оставляя ломаный след.

Озеров рывком открыл глаза. Одеяло прилипло к потному телу. Глоток воды из стакана на прикроватной тумбочке начал возвращать его к реальности. Опять ему снился тот день. Марк часто видел его, силясь переиграть, пустить по другому сценарию, но каждый раз неумолимо понимал, что прошлое — это уже неизбежность, тем более что за семнадцать лет, прошедших с тех событий две тысячи четвертого года, на полку его жизни легли сотни событий и решений, навсегда придавив те черные страницы.

Когда приближается восемнадцать лет, любому человеку кажется, что совершеннолетие — это твой главный день навсегда. Марк родился четырнадцатого февраля. Иногда это приводило к шуткам одноклассников. В девятом классе, скорее всего из-за дня рождения, он получал больше валентинок, чем любой из парней, и те до лета звали его не иначе как Святой Марк, Святоша или даже Санта. Но для него совпадение праздников никогда не было проблемой. Как говорила мама, у нас праздник Четырнадцатое февраля раньше появился, чем у влюбленных, а значит, главнее. Действительно, дарить письма с сердечками стало модно, когда Марк уже пошел в школу.

Когда он вышел на крыльцо Университета физической культуры на Сиреневом бульваре, зеленый праворукий универсал «Субару Легаси» родителей уже ждал на парковке. Марк никогда не мог понять выбор этой длинной, похожей на крокодила машины с вульгарными, под золото, колесными дисками и решеткой воздухозаборника. Может, отец был под кайфом при покупке? Но столько веселых и добрых семейных поездок выдержала эта немолодая тачка, нося их по Подмоскovie и доставляя к городкам Золотого кольца, что насмешки над ней уже стали важной частью домашнего фольклора. Большой багажник всегда был завален тюками и коробками с одеждой, которые родители возили с оптовых баз в свой магазинчик. И пахло внутри неизменной хвойной елочкой, болтавшейся на зеркале заднего вида. Мама вышла из машины и помахала ему рукой.

Ну, конечно, родители не могли пропустить этот день. Озеровы были научными сотрудниками в одном институте. Там познакомились и почти сразу поженились. Марк из-за малолетства почти не помнил тех, как утверждали его предки, безумно счастливых дней, когда они вместе корпели над развитием советской науки, а вечером спорили друг с другом о возвышенных материях, ничего не имевших общего с простой, но устоявшейся жизнью. Когда рухнул Союз, вдруг стало необходимо искать где-то деньги, чтобы выживать, и о возвышенном пришлось забыть. Сначала папа, а следом и мама Марка переехали из научных лабораторий в холодный контейнер Черкизовского рынка. Вот это время он помнил сполна. Частые поездки родителей в Турцию, пузатые клетчатые сумки в прихожей, горы джинсов и курток в гостиной комнате и тяжелые, усталые разговоры все больше о дневной выручке, курсе доллара, ракетирах и подставах. Марк помнил, как гладил сухие от мороза, красные руки матери и спрашивал: «А мне тоже надо будет на рынке работать,

когда вырасту?» «Конечно, нет», — отвечала она, но в ее голосе он не слышал уверенности. В то время никто не был ни в чем уверен.

Но шли годы, и родителям удалось одними из первых переехать из черкизовских трущоб в кафель, стекло и, главное, тепло торгового центра «Рамстор». Марк помнил, как отец очень долго спорил с мамой, убеждая ее платить огромную по сравнению с рынком арендную плату, доказывая, что приходит новое время и покупатели, как только появится такая возможность, сбегут из уличных неуютных примерочных в чистые и красивые магазины, совсем как в американских видеофильмах. Возможно, папа просто сам тоже хотел перестать мерзнуть и ходить в туалет, где смывается вода, но проект взлетел. В «Рамстор» потянулись солидные покупатели, а родители уже были больше торговцами, чем лаборантами. Они увеличили ассортимент «фирменной» одеждой марок «Gucci» и «Armani», сделанной в Китае, и смогли выбраться из долгов и перманентного поиска денег на новую поездку за шмотьем. Именно тогда, в двухтысячном, вместо «Москвича», который стоял на ремонте чаще, чем ездил, у них появился пятилетний японский «крокодил» как символ зарождающегося достатка.

Но, несмотря на все лишения девяностых, и мама и папа всегда находили время для сына. Вырывались на его соревнования, гуляли вместе по Москве, вместе смотрели телик за ужином, интересовались его жизнью, а не только тем, сделал ли он уроки. А как они болели с ним по ночам за наших пловцов на Олимпиаде в Атланте! Ну, точно шизики, орали, когда Попов приходил к финишу первым. И Марк не помнил ни разу, чтобы они попрекнули его своей тяжелой работой, к которой у них никогда не лежала по-настоящему душа. Это было их время, и это был их выбор. Что-что, а это они помнили всегда своим интеллигентным умом. Поэтому, когда все более-менее

наладилось, Марк всегда видел их улыбающимися, целующимися и какими-то спонтанными. То его разбудят рано утром и увезут на Сенежское озеро смотреть на парусную регату, про которую узнали только накануне из выпуска новостей, то, руля по МКАД, резко решают вспомнить молодость и посетить Ленинские горы, захватив с собой сына на заднем сиденье, который и октябренок-то никогда не был, и про дедушку Ленина даже не читал. Вот и в день рождения Марк знал, что про него не забудут, но не ожидал увидеть их прямо у своего университета.

— Привет, что вы тут делаете? — подошел Марк.

Мама обняла его и зашептала горячим воздухом прямо в ухо:

— С днем рождения, милый. Сюрприз. Мы тебя забираем!

— Ну, нет, у меня тренировка, — начал было он. Да не планировал он восемнадцать лет с предками праздновать! — А потом с друзьями надо встретиться.

— Друзья пусть приходят завтра, — парировала мама. — Все равно сегодня все пойдут на свиданки. Мы завтра такой стол накроем! Уже все купили. Зови хоть с утра.

— А тренировка вечерняя? Не могу же я ее пропустить.

— А мы уже Владимиру Михайловичу позвонили. Он тебя отпускает. Он, конечно, не сильно доволен был, но восемнадцать лет бывает раз в жизни, Марк! Он понял. На следующей неделе отработаешь, сказал.

Марк все-таки не сдавался, хотя аргументы заканчивались.

— Мам, да как так? Куда вы собрались? Опять в Третьяковку меня посадите?

— Нет, конечно, садись! Все увидишь сам. Сюрприз ведь!

Наконец подошел отец и крепко обнял Марка. Он уже был ниже сына, вытянувшегося в занятиях спортом.

— С восемнадцатилетием! Мы решили, и даже не спорь, все равно не переспоришь. Мы тебя восемнадцать лет назад родили, восемнадцать лет поили-кормили. Когда ты родился, памперсов-то не было. Вот этими руками я стирал пеленки с твоими вонючими какашками. Так что права на твой день рождения имею. Садись, полетим!

Марк внутренне сдался, понимая, что Озеровых-старших ему сейчас не переспорить, раз они уже все решили. Улыбаясь им, он открыл зеленую дверцу «Субару», закинул свой рюкзак и сам полез на заднее сиденье.

— Да лезь уж вперед, — фыркнула мама.

— Не, мне здесь хорошо, — ответил он. — Как в старые добрые времена.

Москва понеслась за затемненными стеклами. Отреставрированный Лужковым МКАД позволял «Субару» ровно и комфортно нести своих пассажиров, укутывая их теплом салона. Из колонок заиграла песня про голубой вагон. Марк засмеялся. Они еще и диск с детскими песенками где-то нашли. Ему стало хорошо, так же как в далеком детстве среди новых игрушечных солдатиков и шоколадных конфет «Мишка на Севере». Его жизнь только начиналась, он поступил в универ, попал в сборную, с ним были любимые родители, да и столица хороше-ла, скинув с себя мусор и ненависть девяностых.

— А вот и сюрприз, — произнес отец, выезжая на паркинг перед большим зданием с комбинированным фасадом из камня и стекла с изогнутыми элементами, напоминающими волны. — Сейчас наслаждаемся теплой водичкой в аквапарке, а потом едем в ресторан!

Это выглядело шикарной программой. Марк еще ни разу не был на «тропическом острове», как обещала яркая реклама водного парка, развешанная в вагонах метрополитена. И сейчас, посреди зимы, эта идея показалась ему фантастической.

— Так что без воды сегодня не останешься. Плавки ведь с собой? — мама повернулась к нему.

— Ну, конечно, я же на тренировку собирался.

— Да у него плавки и очки, как водка и спички у походника. Мне кажется, он и спит с ними, — откликнулся отец.

Марк действительно плаванием просто болел. Когда он учился во втором классе, в перемену в их школьный кабинет зашел высокий стройный мужчина в спортивной форме. Классный руководитель усадила их по партам и успокоила. Мужчина представился Петром Борисовичем и первым делом спросил:

— Кто умеет плавать?

Поднялось шесть-семь рук.

— Немного для целого класса. А кто хочет научиться? — Тут уже он увидел лес рук. — Замечательно, ведь плавание — идеальный вид спорта. Он развивает тело физически, помогает расти, тренирует легкие и при этом не травматичен, как футбол или хоккей. Мы тратим энергию, но не потеем, потому что вода охлаждает тело естественным образом. И снаряжения для занятий не надо. Ну и кто не любит купаться? — Класс весело заверещал.

Петр Борисович назвал день отбора в свою секцию в районном бассейне, и немало волнующийся Марк при поддержке мамы пришел записываться. Он переживал, что его, совсем не умеющего плавать, кинут в глубокую ванну бассейна, но опасения не оправдались. Все, кто пришел и принес необходимую справку от школьного врача, были зачислены. Так Петр Борисович стал его первым тренером и надежным проводником в мир спортивного плавания.

Из всего класса в спорте удержался только Озеров. Он не понимал одноклассников, которым стало скучно через год-два занятий и почему они считают тренировки однообразными. Ему нравилось здесь все — от горячего душа

перед входом в чашу до раскаленной и расслабляющей сауны — после. Когда он, стартовав с тумбочки, врезался в прохладную голубую стихию, остальной мир как будто переставал существовать. Марк наслаждался тем, что тело его теряет вес и зависает в плотном пространстве воды, и затем, разгоняясь, с острым восторгом чувствует скорость, с которой он пронзает ее. И еще у него все получалось. То ли тело Марка было создано для плавания, послушно выполняя технические элементы, то ли мозг настолько четко и выверенно подавал команды, что уже к концу третьего класса он начал сдавать детские разрядные нормативы, когда его сверстники из последних сил проплывали двадцать пять метров от бортика до бортика.

И понеслось: тренировки сначала три раза в неделю, потом ежедневные, а затем и по две в день; соревнования районные, городские, областные; поездки в плацкартных вагонах и одинаково потрепанные общежития, в которых будущие великие российские пловцы рублились допоздна в карты под американский хип-хоп и панк-рок, обжимались на холодных и прокуренных лестничных площадках с такими же юными, как они, пловчихами. Марк просто балдел от того, что можно каждый день нырять в любимую хлорированную воду и напрягать мышцы, делая один круг за другим. А под кубки и медали пришлось завести отдельную полку в окружении плакатов с мускулистыми пловцами в пене брызг — знаменитыми олимпийскими чемпионами: Александром Поповым, Денисом Панкратовым и юным вундеркиндом Майклом Фелпсом на фоне флага США. Как мечтал Марк сразиться когда-нибудь с Майклом на голубых дорожках бассейна. В четырнадцать он сменил тренера и перешел в школу олимпийского резерва к Владимиру Михайловичу. Добираться было дальше, но это совсем не смущало парня. Теперь он понимал, что его увлечение становится серьезным. Может стать его профессией, если, конечно, он сможет не затеряться среди других талантов.

В новой секции было тяжело. Пришлось переучиваться, менять стиль, а это очень не просто, если движения вдолблены в само тело годами тренировок и соревнований, как начать писать другой рукой. Результаты Озера снизились, и он даже готовился сбегать обратно, но сила, которая заставляла его часами проплывать один бассейн за другим, напрягла его волю, вынудила терпеть, как терпят закисшие мышцы последние пятьдесят метров дистанции, на пределе. И это помогло. В шестнадцать он попал в юношескую сборную Москвы, а уже в этом сезоне поехал на сборы с молодежкой России на легендарную базу «Озеро Круглое». На зимний чемпионат Озеров не пробился, но даже тренировки с такими талантливыми парнями, как Женя Лагунов и Никита Лобинцев, были как призовое место на нем.

Рабочий день еще не закончился, но в аквапарке было много людей. Приближающийся вечер пятницы и романтический праздник завлекали посетителей в модное место. Марк обалдел от огромного помещения под стеклянным и, казалось, невесомым куполом. Никакого сравнения с плавательным бассейном, ставшим для него привычным. Жаркий воздух, точно тропический, теплый, как нагретый песок, кафельный пол и живые пальмы вдобавок порождали четкое ощущение южного курорта. Марк не был никогда там, но рекламу «Баунти» видел не раз. И атмосфера была точно отпускная. Сотни людей прыгали в воде и скатывались с горок, задорно крича. Толпы детей плескались в своем мелководье под душем в образе грибков. А молодые мамочки в мини-купальниках хлопотали над ними, показывая свои стройные ноги и полуоткрытую грудь.

— Ну что, кататься? — вскричал папа и потащил их к лестнице на водные горки. — У нас всего три часа.

Марк посмотрел на часы на стене. Они показывали шестнадцать тридцать.

Марк помнил, как стоял на вершине горки, которая спускалась под неимоверно крутым углом, и чувствовал страх. Да, он, любивший воду больше, чем любая рыба, боялся. Только собрав свои силы в кулак, он пересилил и кинулся вниз, скрестив руки и ноги, как показал инструктор. Первый раз самый волнительный и запоминающийся. Марк и сейчас мог пережить тот бросок, когда сердце замерло, а мозжечок заорал, что не понимает, куда он летит. А потом огромный всплеск брызг, как восторг, который он испытал, влетев стремительно в воду. Точно ребенок, которым он был еще вчера, вернулся обратно в его тело.

Его родители как будто тоже превратились в детей. Искренне вереща вместе с Марком, они не по разу прокатились со всех горок, разбрызгивая воду и смех в равных пропорциях. Марк даже позавидовал их открытой неприужденности. Накатавшись, изможденные бегом вверх по лесенкам, они вместе завалились в сауну. Мама улеглась на колени отцу и мечтательно говорила:

— Вот бы каждый день так отдыхать!

— Да ты бы уже через неделю здесь все возненавидела, — парировал папа.

— Что, попробуем? — подмигнула она, и Марк засмеялся над тем, что отец в очередной раз попал в мамину ловушку.

Они, не расставаясь ни на минуту, прокатились по медленной реке, попрыгали на искусственных волнах, снова забрались на понравившиеся горки. Но время немолимо завершало их трехчасовой абонемент. Часы уже показывали семь.

— Я полежу в гидромассаже, — сказал Марк, дивясь на энергию родителей, рванувших на очередной аттракцион.

— Да належишься еще ночью в кровати, — попытался пристыдить его папа. Но Марк, заметив свободное место, махнул рукой и поспешил к бассейну с джакузи. Озеро шлепнулся в теплую воду и расслабил свое тело, от-

даваясь сильным струям. Запрокинув голову, он смотрел прямо над собой. Над ним было бездонное, уже черное зимнее московское небо за стеклом огромного купола, местами припорошенного снегом. Тогда он подумал, что, наверное, ничего более в этот момент не хочет. Теплой воды, массажа и приятной усталости от физических нагрузок достаточно для безмятежного ощущения счастья.

По стеклу пробежала трещина, оставляя ломаный след. Марк вытаращился на нее, как на редкое погодное явление. Затем трещины начали появляться на соседних стеклах прозрачного купола, разбегаясь все дальше на фоне звездного неба. Возможно, прошла секунда, когда раздался пронзительный скрип металла и со звуком гигантской хлопушки стекла взорвались и острыми конфетти понеслись вниз на Марка. Он все еще лежал, откинув голову на удобное подголовье, когда осколки осыпали его, впиваясь в ноги и живот, и только успел зажмурить глаза. Когда он открыл их, в семи метрах огромная металлическая балка влетела в желтый пластмассовый желоб водяной горки. Тот с жутким грохотом разлетелся на две части, точно полено, разрушенное колуном. Верхняя часть горки осталась держаться на своих стальных ножках, а нижняя вместе с балкой начала заваливаться на бок. На верхней площадке горки сотрудник водного парка удивленно и замороженно смотрел на падающую конструкцию, сжимая бортник, точно спасательный круг. Громко заорали сирены. Марк вскочил на ноги, стекла когтями хищника вонзились еще глубже, причиняя невиданную доселе боль. У него хватило сил быстро оглядеться. В пяти шагах от себя он увидел нишу декоративной пещеры, внутри которой можно было укрыться от рушащегося потолка, как учили на уроках ОБЖ. В это мгновение вся крыша начала заметно приближаться, как будто он поехал к ней на панорамном лифте, и тут же всюду погас свет. В полной темноте Марк бросился в сторону

пещеры, но он был по пояс в воде, и шаги оказались тягучими, как ожидание зеленого сигнала светофора, когда опаздываешь. Стекла на дне испуленно резали его ступни, но Марк уже не замечал боли, ведомый только чувством самосохранения. Инстинкт требовал укрыться, ни на что не обращая внимания. Он успел сделать два шага. Хрясь! Твердая многотонная дубина обрушилась на его спину, снесла с ног и придавила к бортику бассейна. Сам бортик влетел в грудную клетку, разламывая ребра с азартом оголодавшего великана. Сознание не было готово это более терпеть и милостиво выключилось.

Это был тот день и те пять его секунд, которые разделили жизнь на до и после. И ключевой в них была та первая секунда, когда он наблюдал за трещинами на стеклянном потолке аквапарка вместо того, чтобы нестись в укрытие. Может быть, ему не хватило именно той секунды, как это теперь узнать?

ГЛАВА 4

Белый потолок на самом деле был не чисто-белым. На нем остались следы от малярного валика, шесть застывших капелек краски, двадцатисантиметровая узкая трещинка возле стены с входной дверью. Паук сплел свою воздушную сеть между светильником и кабель-каналом, в котором лежал электрический провод, но она была настолько незаметна, что не подверглась репрессиям от медсестер. Марк Озеров не мог пошевелиться, замотанный в гипс, как мумия, и когда он не спал спасительным забытjem, то пялился на белый потолок палаты.

Его тело вспыхивало колкой болью в груди каждый раз, когда он пытался пошевелиться. После укола с болеутоляющим становилось легче, и Марк мог съесть немного безвкусной каши с ложки в руках медсестры, как маленький. Как беспомощный младенец. Даже не посрать

самостоятельно. Первое время он стеснялся, но потом наплевал на комплексы. Ему надо было выжить. Сейчас он постарается выкарабкаться и как-нибудь потом постарается забыть жалкое подобие себя.

— Где я? — спросил Марк у заглянувшей медсестры, когда первый раз пришел в себя. Он чувствовал, что сердцу не хватает места в груди и оно птицей бьется о ребра, как о прутья тесной стальной клетки. Та изумленно посмотрела на него, точно на труп, который вдруг ожил.

— Батюшки, очнулся. — Она подошла к нему и внимательно посмотрела куда-то вправо, вне зоны зрения Марка. Ответила: — В «Склифе».

— Тебе, парень, очень повезло, что привезли сюда, — сказал молодой врач, пришедший следом. — В другом месте бы, наверное, не спасли. Но ты не обольщайся, тебе еще нужно много поработать, чтобы выкарабкаться. Старайся.

Врач стал говорить сестре, что нужно делать с пациентом дальше. Марк не мог разобрать смысла слов. Голова кружилась. Каждую мысль как будто приходилось раскапывать из груди камней. Он совсем не помнил, почему очутился здесь. Камни, балки, завалы — все, что могла выдать тяжелая голова.

— Ты помнишь, как тебя зовут? — врач снова обратился к Марку.

— Марк Озеров, — автоматически произнес он.

— В каком году родился?

— В восемьдесят шестом.

— Ты помнишь, что с тобой случилось?

Камни полетели в разные стороны, открывая выход из пещеры. Он родился. Точно: это был его день рождения, это был аквапарк, горки и летящая в разные стороны вода.

— Где мои родители? — тут же вспомнил он. Треск, грохот, звенящие сирены тоже сразу загромыхали в его голове, пытаясь разнести ее в клочья. Марк попытался

подняться, но адская боль лопнула внутри и пригвоздила его к кровати.

— Лежи, — испуганно вскрикнул врач и прижал его рукой.

— Я был в аквапарке с родителями, когда кругом начало все рушиться, я помню это, — казалось, отчетливо сказал Марк, но это был лишь глухой шепот. — Дайте пить.

Сестра наклонила стакан, и вкусные капли влаги попали на губы Марка.

— Да, точно. Произошло обрушение крыши аквапарка. Тебя привезли в пятницу вечером, — рассказал врач.

— Мои родители, — поперхнулся Марк. В голове растущее беспокойство боролось с раскатами звона. — Что с ними?

— Марк, я не знаю. Мы только сейчас имя твое узнали. На тебе, кроме плавок, не было ничего. Скажи, как их звали, мы проверим.

Врач записал имена и ушел. Марк остался наедине с изнывающим страхом. Тот предстал перед ним в виде черного скорпиона, несущего неминуемую смерть на мелко подрагивающем кончике хвоста. Что он мог сделать, чтобы они были живы? Только смотреть, зажмурившись, на черное жало и загадывать, чтобы оно пронеслось мимо. Что он мог сделать?

Степан Иванович вошел в палату, когда уже стемнело. Это был отец мамы Марка, деда Степа. Он жил в Екатеринбурге, родном городе мамы, и Марк, когда был маленький, часто приезжал в гости, проводя на Урале месяца летних каникул, а то и больше. Он прекрасно помнил, как дедушка читал ему «Дядю Степу» Маршака, все время заменяя дядю на деда. Родители папы умерли до рождения Марка, и поэтому дедушка и бабушка для него всегда были только эти открытые и работающие люди.

Это плохой знак, подумал Марк. Если бы родители могли, они бы непременно пришли к сыну. Да и раз дед

успел приехать из Екатеринбурга, то сегодня вряд ли суббота.

— Привет, дедушка. Какой сегодня день? — боясь задать главный вопрос, спросил Марк.

— Привет, Марк. Понедельник, — ответил Степан Иванович и пододвинул стул, чтобы сесть поближе к внуку. Сел, взял руку Марка и мягко сжал.

— Когда ты сидишь, я тебя не вижу.

Дедушке пришлось встать, чтобы их глаза встретились. Марк не мог задать вопрос, у него пересохло горло от волнения. И он только не моргая уставился на деда и приготовился к любой правде.

— Марк, их больше нет, — тихо сказал Степан Иванович. — Твои родители погибли.

Марк только сейчас заметил красные, заплаканные глаза дедушки. В них снова образовались крупные слезинки. В следующее мгновение дедушка и палата смазались потом уже его слез. Дедушка сел и снова сжал его руку. И так они сидели, не говоря ни слова, какое-то время. Марк пытался, но не мог осознать до конца смысла слов деда. Он не мог принять, что родители, всегда бывшие рядом, всегда составлявшие часть его жизни, просто пропали. Куда? Как это вообще бывает? Как будто после этих слов могло состояться какое-то продолжение. Какой-то новый вариант развития событий, где они остались в живых.

Степан Иванович как будто услышал сопротивление Марка и затушил последние, пусть совсем неоправданные надежды:

— Завтра похороны. — Похороны точно означали конец, даже если после слова «погибли» разум Марка пытался сопротивляться. У похорон не бывает счастливых исключений. — Не волнуйся, мы все сделаем для них. Все, что можем.

Марк услышал такую боль в последнем предложении, что она заслонила его собственное страдание. Ведь они по-

теряли свою дочь. Где сейчас бабушка Лида, почему она не пришла вместе с ним? В ответ Марк сжал руку своего деда. Что еще мог он сделать для них? Напрочь отказаться ехать в аквапарк? Настоять на своей тренировке? Родиться в другой день? Как он мог это предвидеть, что он мог изменить?

Дед сидел у его кровати, пока не пришла медсестра делать процедуры. После этого он приходил почти каждый день его больничного заключения.

Похороны прошли без участия Марка. Возможно, к лучшему, ведь последний раз он видел родителей с довольными улыбками и навсегда запомнил их, а не мертвые серьезные лица в гробу. На следующий день после дня похорон к Марку заглянул его лечащий врач.

— Как себя чувствуешь, Марк?

— Плохо, Виталий Николаевич, — не стал врать Марк. — Больно и скучно. Поднять руку — больно, повернуть голову — больно, дышать тяжело. А лежать уже просто не могу. — Он не стал добавлять, что еще беспрестанно болит его душа, разорванная на части смертью самых дорогих ему людей.

— Но, судя по разговору, ты уже в себя приходишь. Можем с тобой поговорить? Дедушка привез твои документы. Ты уже совершеннолетний, попробуй меня внимательно выслушать. Показатели анализов у тебя улучшаются, и восстановление проходит даже быстрее, чем обычно. Сказывается, видимо, твоя молодость и спортивное здоровье. Я бы даже сказал, что на данный момент положение тяжелое, но стабильное и угрозы твоей жизни нет. Слава богу, на голову ничего не упало. У тебя был страшный удар спереди. Перелом грудины, нескольких ребер справа. Большая гематома по всей грудной клетке. Именно поэтому тебе тяжело дышать и двигаться. Но нам повезло, что легкие не повреждены. Мы все восстановили и туго забинтовали. Через три-четыре недели ребра должны срастись. Большая потеря крови была. Ты был весь в ранах от стекла,

где-то куски стекла ушли глубоко под кожу. Про ступни твои помолчу, там живого места не было. Тебе сделали переливание крови, стекла извлекли, раны зашили. Но это еще не все. Самое страшное у тебя было сзади. Осколочный перелом позвоночника в поясничном отделе. Твой позвонок просто развалился. Здесь была самая долгая операция. В отделении неотложной нейрохирургии, где ты сейчас находишься, мы восстановили позвонок и зафиксировали позвоночник жестким корсетом из гипса. Но в нескольких миллиметрах от позвоночного столба проходит спинной мозг, а его суставы густо пронизаны нервными волокнами, поэтому при такой травме очень вероятны неврологические нарушения, потеря чувствительности конечностей, а может, даже их паралич.

Марк внимательно слушал своего доктора, пытаясь переварить жестокий ущерб, который понесло его тело. На словах это звучало не так страшно, как было в действительности. Как он сам чувствовал. И похоже, его действительно спасли. Попади он в менее квалифицированную клинику, уже бы сдох. Но последнее слово врача размозжило его надежду, что худшее осталось позади. Он тут же спохватился, что не помнит, как ведут себя ноги. Он списывал их неподвижность на боль, слабость и гипс. Но теперь тут же попробовал пошевелить пальчиками ног и не смог. На лбу Марка выступила испарина ужаса.

— Ты сейчас не чувствуешь ног, так ведь? Это плохо, но в целом нормально после проведенной операции. Нервные связи должны восстановиться. Сейчас мы тебе даем препараты для восстановления. Потом, когда ты сможешь двигаться, еще будут физиотерапевтические процедуры. Так что заранее не переживай, вероятность полного выздоровления очень высокая. Ты вон какой здоровый кабан! — Врач улыбнулся.

Но Марк смог только услышать его натянутую улыбку в последних словах, он уставился на трещинку на по-

толке, ему показалось, что со вчерашнего дня она стала больше. Он бы хотел, чтобы потолок сейчас развалился, как в аквапарке, потому что его жизнь становилась все паршивее. Она трещала со всех сторон, и он не знал, возможно ли с этим вообще справиться.

В итоге препараты и процедуры не помогли. Ребра срослись, оставив после переломов впалый след на груди справа. Розовые шрамы указывали, куда воткнулись куски стеклянной крыши. Но раны в голове, вроде бы избежавшей ударов, не проходили.

Долгие месяцы Марк боролся за возможность снова стать полноценным человеком. В федерации плавания ему помогли: обеспечили лекарствами по длинному списку, выделили возможность бесплатно тренироваться в отличном спортивном центре со всем необходимым оборудованием. Вот только нервы оказались не мышцами, которые можно натренировать усердными занятиями, они вели себя по собственным законам, которые медицина еще до конца не изучила. Вкалывать Марк умел, а когда-то даже любил, но безрезультатный труд выводил из себя, заставлял ненавидеть каждое занятие. Тем не менее с ненавистью к тренажерам, к своим бесполезным ногам, к деду, который возил и таскал его в спортзал, но Марк выполнял все указания физиотерапевта. Гора отчаяния увеличивалась по мере истраченных килокалорий и доросла до состояния, когда обвалилась на Марка, смела напрочь его надежду и силу.

За год друзья, сильно поддерживавшие его сначала, расползлись, решая свои повседневные дела. Они подрывались на его клич, если нужно было помочь, но стали относиться к нему, как к задаче, а не как к другу, с которым хочется провести время. Подружки, кружившие вокруг Марка-атлета, нашли другие, здоровые предметы чувств. В итоге Озеров остался один на один с дедом, который стал для него всем: поваром, шофером, собеседником, зарядником и носовым платком. Но Марк видел, как тот,

уже далеко не молодой, устает на двадцатичетырехчасовой вахте вдали от родного дома.

Пока разбирались с наследством, магазин родителей перестал существовать, ведь все дело держалось только на них. Степан Иванович еле сумел вытащить коробки с одеждой из запертого бутика и продать за смешные деньги соседям. К концу года закончились и все накопления Озеровых-старших. Существовать на мизерную пенсию деда по старости и внука — по инвалидности было невозможно. Оставался еще зеленый «Субару», но без него Марк не попадал бы на тренировки и приемы врачей. В католическое Рождество, когда по телевизионному экрану неслись вереницы украшенных к Новому году грузовиков с кока-колой, федерация плавания неожиданно объявила, что не сможет больше снабжать Марка лекарствами: нет бюджета на предстоящий год, ведь в следующем году он уже не сборник. Все сходилось в одну жирную точку.

В один из последних дней этого страшного года, когда люди, словно сговорившись, начали носиться за подарками по украшенным торговым центрам, Марк сдался. Ему не с кем было жить, на что жить и для чего жить. Он взял коробку своих болеутоляющих таблеток, высыпал их все на ладонь и проглотил, запивая несколькими большими глотками.

ГЛАВА 5

Зазвенел мобильный и вернул Озерова в реальность из порванного в клочья прошлого. Это был вызов по сотовой связи от неизвестного абонента. Знакомые Марка давно перешли на общение в мессенджерах, по сотовой связи звонили в основном колл-центры банков, навязывая свои никчемные услуги или притворяющиеся ими же мошенники. Из стоящих звонков, бывало, набирали курьеры, когда терялись на территории поселка, и со-

трудники заказчиков его услуг, когда что-то требовалось решить срочнее, чем в переписке по электронной почте. В целом полезные звонки были редкостью, как и хорошо настроенный файрволл.

— Алло, — нехотя ответил Марк, ожидая очередной рекламы.

— Марк Александрович? — осведомился мужской голос. По опыту Озерова женщины отвечали за рекламный спам, а мужчины — за жульнический развод.

— Да.

— Меня зовут Виктор. Виктор Решетников, — голос в трубке волновался. — Я вам писал.

— Что вы мне писали? — не понял Озеров.

— Письмо, — сказал Виктор удивленным тоном, как будто кроме писем не существовало других вариантов сообщений. — Вчера. Вы мне на него ответили. Про самоубийство девушки.

— А-а, я понял. А где вы взяли мой номер? — Марк начал злиться.

— Все там же, в договоре.

— К хранению данных у вас в компании всегда так безалаберно относятся?

— Простите, я же описал вам причину этого. Мне кажется, что ситуация экстраординарная.

— Виктор? Вы же прочитали мой ответ? Что в нем непонятно?

— Марк Александрович, выслушайте меня, пожалуйста. Я бы не стал к вам обращаться, если бы видел другую возможность. Но я просто уверен, что есть виновный в ее смерти. Такого стечения обстоятельств не бывает просто так!

— Ну так поделитесь вашим мнением с компетентными органами.

— Мне не с чем к ним прийти. Только догадки. Смотрите сами: в феврале Марина страшно поссорилась

с мужем. Она пришла на работу с синяком, замазанным косметикой, выглядела отстраненной от всего, как зомби, — страшно смотреть. В итоге рассказала, что с мужем у нее по ходу все. Тот ушел из дому, слава богу, ее пока не выгнал. Но это, скорее всего, только вопрос времени. А через пару недель Марину увольняют. Резко и грубо, точно мусор выкинули. Всем объявили, что за слив закрытой информации. Запретили с ней общаться под угрозой увольнения, но я на следующий день с ней договорился втихаря встретиться. В кофейне в совсем другом районе города. Она и рассказала мне про письмо с отчетом, что якобы отправила его со своей корпоративной почты в ту инвестиционную компанию. Понимаете, она даже не понимала, как на этом заработать можно было, хоть и была экономистом. Поэтому я ей верю. Да и слить информацию при желании можно было менее заметно. Поэтому это кто-то выместил на ней свою злость.

— И вы считаете, что ее муж?

— Да, а больше некому. Сделал нарочно, чтобы отомстить, чтобы ее с работы выгнали. Только пока не понимаю как. Я помню ту встречу как сейчас. Ненакрашенная, бледная. Она была обескуражена. Как так можно поступить с человеком, который не виноват ни в чем? Более того, добросовестно трудился много лет за их, в общем, мизерные оклады. Я чувствовал, что ее раздавили, потому что в ее словах ощущались обида и боль, но не ненависть. Каково это — за пару недель потерять и семью, и работу?

— И вы никак не помогли ей?

— Я видел ее живой тогда в последний раз. На следующее утро меня вызвал к себе сам Кольцов. Это зам генерального по безопасности. Спросил, хочу ли я за Зайцевой отправиться на биржу труда без шансов найти работу по специальности и до конца жизни торговать пирожками на вокзале? Он откуда-то знал о нашей встрече. И я... да, я испугался.

— Сейчас вы немного осмелели.

— Когда я узнал о смерти Марины, то почувствовал себя гнидой. Я тоже участвовал в ее убийстве, когда стоял себе в сторонке. Я наплевал на все и пошел на похороны. А там прямо шептались, что Марину никак кто-то сглазил. И работу она, бедная, потеряла, и найти новую не могла совсем, и собачка у нее сдохла за это время, и деньги последние у нее украли, и болезнь у нее нашли неизлечимую.

— Что за болезнь?

— Рак желудка, болтали.

— Так, может, все-таки она из-за болезни покончила с собой?

— Вот я все вам рассказал. И кажется, что какой-то рок принялся дубасить Марину ни с того ни с сего, и она пала жертвой невероятного стечения обстоятельств. Я не видел Марину всего пять месяцев. Она была здорова ментально и физически еще в феврале. Никогда не упоминала ни о болезни, ни о больницах. Даже если у нее обнаружился рак, то это только что! Она могла с ним бороться и победить, как показывают по телеку, хотя бы в мотивационной рекламе. Просто есть люди, которые завели ее в этот жизненный тупик, и есть люди, которые ее там бросили. И я один из вторых. Я свою ответственность не снимаю. Мне Марина будет сниться в кошмарах до конца жизни. Но вот найти и наказать того, кто в итоге убил ее, это теперь моя задача. Да, надо идти в полицию, но мне нужно доказательство на того, кто запустил эту смертельную последовательность. Возьмитесь, Марк. Будьте человеком. Не найдем ничего, ну хотя бы совесть почище станет. А найдем, тогда я попробую что-то сделать, чтобы виновный ответил.

Марк задумался. История была соткана из предположений и догадок. Фактом была лишь смерть молодой женщины. И правильно говорил Виктор, что умерла она не столько от обстоятельств, а потому что была оставле-

на наедине с ними. Потому что ее бросили. БРОСИЛИ. Это слово высветилось в его мозгу, как неоновая вывеска. Марк был бы на том же свете, что и Марина, если бы с ним поступили так же, когда у него не осталось ни сил, ни поводов бороться за себя.

Когда он наглотался своих таблеток, дед вернулся раньше, чем должен был. Как он потом рассказывал, в очереди в собес, где Степан Иванович хотел выпросить какое-то дополнительное пособие, он почувствовал такое нестерпимое желание быть рядом с внуком, что просто не мог сидеть. А так как Марк не отвечал на звонки мобильного, дед решил, что это не потому, что тот спит или слушает свою громкую музыку в наушниках, а с ним приключилась беда. Он приехал вовремя, чтобы вовремя вызвать «Скорую помощь».

И не бросил его потом, как это сделали все его доинвалидные знакомые, напрочь позабыв о его существовании. Забрал в Екатеринбург. Продал московскую квартиру, купил Марку однушку на первом этаже девятиэтажной панельки, оборудовал съезд для инвалидного кресла, что вообще не было нормой в то время. Оставшиеся деньги Степан Иванович положил в банк на имя Марка и раз в месяц с доверенностью снимал одинаковую сумму, ездил по магазинам и пополнял запасы его холодильника.

Дед вывозил его подышать во двор, хотя бы пару раз в неделю. Несмотря на стальной пандус, это было простым делом. Марк мог бы спуститься сам, не разбившись, держась за поручни вдоль пандуса, но подняться по ним у него не хватало сил. И дед видел, как пропадает его внук, вроде бы уже спасшийся от крушения кровли и передоза болеутоляющих таблеток.

Какая-никакая жизнь все-таки наладилась, от голода пока спасали деньги от продажи квартиры, но для Марка как будто все закончилось. Он готовил себе простую еду: пельмени, жареную картошку или спагетти, вываливал

в эту же тарелку банку консервов, доставал из холодильника бутылку пива и весь день смотрел телевизор стеклянными от выпивки глазами, не желая чего-то другого. Вряд ли в его жизни теперь могло произойти что-нибудь увлекательнее просмотра «Остаться в живых».

— Как ты снова выпивку достал? — завелся дед, когда с порога почувствовал кислый запах пива.

— Земля не без добрых людей, — парировал Марк.

— Алкаши они, а не люди.

— Ну пусть будут добрые алкаши. Что-то ты сегодня раньше пожаловал.

Степан Иванович появился в комнате и втащил в нее большую картонную коробку.

— Тебе тоже добрый день.

Он ушел в коридор и вернулся с еще одной коробкой.

— О, что-то интересное, — сказал Марк. Он сидел на диване и даже не думал перебраться на инвалидное кресло и как-то ближе поинтересоваться предметами, которые появились в его комнате. Он уже привык, что за него все в итоге сделают.

— Наташа, ты где? — позвал дедушка в прихожую.

В комнату вошла женщина старше тридцати, в джинсах и сером пуловере с высоким воротником. Темные волосы ее были собраны в хвост, на лице были очки в модной тогда большой круглой оправе. «Училка», — сразу решил Марк.

— Это Наталья, она дочь моего очень хорошего друга. Преподает программирование в УПИ. Она поможет нам вот этот компьютер установить и позанимается с тобой.

— Привет, — улыбнулась Наталья. От улыбки ее лицо похорошело, на щеках появились приветливые ямочки. Марк уже давно не общался с женщинами кроме как на медицинские темы и немного растаял. Он начал оглядываться на запущенный вид своей комнаты, мысленно выкидывая пустые бутылки из угла в мусорное ведро.

— Привет, — ответил он, дивясь, какое это чудо — знакомство с новым человеком. — Не ждал сегодня. Я — Марк.

— Ну я не то чтобы гость, — отозвалась она. — Но согласна, в классе должно быть чисто. Я сегодня подключу и настрою компьютер, а завтра мы начнем заниматься. Успеешь подготовиться? — она выразительно посмотрела на давно не бритую щетину Озерова.

Марк не услышал в ее интонации ни скрытого сострадания, ни осуждения. К нему давно не относились как к обычному парню. Поэтому к первому занятию он прибегнул к помощи деда, что не смог сделать сам — попросил деда, умылся, расчесался и надел чистую одежду. После травмы он пытался быть предельно простым, не скрывать то, что не получается, и стараться делать самостоятельно то, что ему по плечу. Такая стратегия сложилась и в обучении программированию.

Наталья оказалась чутким и увлеченным педагогом. Марк в связи с тем, что раньше все свободное время отдавал тренировкам, компьютерами совсем не интересовался. Когда его одноклассники рубились по Сети в Counter-Strike, он отрабатывал в бассейне траекторию и координацию гребка рукой. Конечно, Марк сдавал зачет по информатике и знал, как загрузить Windows и сложить столбик в Excel, но включать компьютер по собственной воле у него не возникало желания никогда. И тем поразительнее стал для него открытый Натальей мир со своими языками, невидимым и бесконечным, как галактика, сетевым пространством, кастой новых людей.

Работоспособность спортсмена, как оказалось, никуда не ушла. Озеров мог бесконечно писать код, проверяя, добавляя, исправляя, как в свое время на тренировках шлифовал свою технику. И компьютер ответил ему взаимностью, как и бассейн. Машина не спрашивала, можешь ли ты дойти до магазина или пробежать стометровку, она получала и четко исполняла те команды, которые отдавал

ей Марк, не то что ноги, ушедшие в абсолютный игнор. А никнеймам в Сети было безразлично, какой ты в реальной жизни. Главное, какой ты кодер, что можешь создать и что умеют твои программы.

После года уныния, переходящего в отчаяние, Марк ощутил, как к нему начинает возвращаться жажда жизни. Наталья приходила раз в неделю в течение целого года, честно и бесплатно выполняя свое обещание перед дедом Марка или своим отцом. Она была как старшая сестра, всегда на связи, когда была нужна, но и не лезла со своими советами туда, куда не стоило. Искренне радовалась его успехам, дивилась, насколько Марк лучше схватывает науку, чем ее студенты.

— Возможно, дело во времени, — отвечал Марк. — Мне его совсем некуда тратить в отличие от них.

За год Озеров изучил университетский курс программирования экстерном и практически самостоятельно и уже чувствовал себя в информационном море, как в плавательном бассейне. И тогда он ощутил, что снова хочет плавать. По-настоящему. После травмы процедуры в бассейне входили в программу восстановления. Но Марк плавал зло, понимая, что никогда больше он не сможет выйти на одну воду с Фелпсом. Что все, на что он потратил свое детство и юность, высушено до дна. Вода опротивела ему настолько же, как когда-то была близка. И он, не представляющий себе жизни без голубой плавательной дорожки, после переезда в Екатеринбург ни разу не помыслил о ней. Но теперь новая жизнь начала прорастать в нем, как динозаврик из игрушечного яйца, подаренного ему родителями в детстве.

— Дед, отвези меня в бассейн, — как-то позвонил он.

Оказавшись под высоким потолком плавательного бассейна «Юность», Марк сжался и задрожал всем телом. Ему было дико страшно от огромного пространства крыши, нависшей над ним. Он почти закричал деду, чтобы

тот вез его обратно. Все боли и кошмары последних лет как будто ворвались в его голову и тело, сжирая его суть. Родители встали как живые, их счастливые лица в аквапарке сгнивали на глазах, оставляя голый череп и впалые глазницы. Как же самоуверен он оказался, считая, что смог преодолеть прошлое. Оно неумолимо следовало за ним, оно уже было в его ДНК и собиралось бить при любом удобном случае.

Марк зажмурился и приказал себе глубоко вздохнуть. Задержал дыхание. Слава богу, дед вез его к дорожке сам. Он бы не смог сделать эти несколько шагов. Потом Степан Иванович привязал к его ногам колобашку, чтобы те не тонули, и помог добраться до воды. Очутившись в воде, Марк выдохнул. Прохладная жидкость волной спокойствия охладила приступ паники. Он улегся на воду. Оттолкнуться от бортика не было возможности, но Марк сделал гребок рукой, и тело послушно двинулось по дорожке. Затем следующий и следующий. Мышцы как будто начали вспоминать слова давно забытого стихотворения, которое Марк когда-то знал, но напрочь забыл. И с каждым новым гребком-словом это знание возвращалось, заполняло его тело удивительно приятной вибрацией. А ужас прятался в темных уголках его сознания. Не уходил совсем, но старался не показываться.

Марк запомнил тот день. Именно тогда он по-настоящему понял, что жив. А был бы ли он жив, если бы и родные, и совсем незнакомые ему люди не вытащили его из развалин аквапарка, не выходили в больницы, не поддерживали его, когда он стал инвалидом и потерял родителей, не подняли бы его со дна собственной жалости? Может, и ему пора попробовать помочь кому-то?

— Алло, Марк Александрович? — услышал он в трубке голос Виктора из Кемерова. — Вы здесь?

— Да, Виктор. Зовите меня Марк, раз уж начали. — Озоров думал о своем решении: насколько оно правильное

и не сделано лишь под влиянием ярких воспоминаний. Вроде бы внутренние ощущения поддержали его. — Хорошо, я попробую вам помочь. Зря вы надеетесь, что у меня получится разобраться, но раз вам больше не к кому обратиться, то ладно. Но дайте мне подумать, я сам свяжусь с вами. И почта, и номер телефона у меня ваши есть.

Услышав слова благодарности, Марк нажал отбой.

ГЛАВА 6

Программирование развивает логику и внимательность. Все потому, что компьютеры не понимают всплесков человеческих эмоций и не способны переосмыслить неверно поставленную задачу. Код — это простой способ донести до математических мозгов машины, что от нее хочешь, но ты должен изначально знать результат, а потом разложить его по коротким и понятным командам. То есть выстроить логичную систему команд, которые в итоге приводят к задуманным последствиям. А внимание требуется, потому что написание этой системы скрупулезно и не терпит даже самой маленькой неточности в букве, знаке или идее и способно мгновенно увести программиста в беспросветный мир багов.

Марк бы еще добавил выносливость. Умных да талантливых земля родит в достатке. А вот тех, кто пашет изо всех своих сил, всегда не хватает. В спринте всякий может победить, только долгий заплыв безошибочно показывает «ху из ху». Марк считал, что именно это его качество позволило колясочнику без образования на удаленке (когда это понятие еще не было никому понятно) стать продуктивнее офисных дипломированных программистов. Его куски кода всегда сдавались вовремя, были тщательнее и лаконичнее написаны. И пусть устроиться в екатеринбургскую компанию-разработчик программного обеспечения Naumen ему помогла рекомендация Натальи, но

удержаться там и, более того, стать одним из ключевых кодеров Озеров смог благодаря своей феноменальной работоспособности. Он мог без устали погружаться в код по двенадцать часов без перерыва день за днем, пока не разберет задачу, не напишет и не отшлифует свою работу до блеска. Это было его спасением. Думать над своей несчастной судьбой не оставалось ни времени, ни сил. Слава богу!

Напряженная работа позволила Марку обзавестись друзьями, в итоге разъехавшимися в IT-проекты по всей планете, новым одноэтажным домом на природе с удобным въездом для инвалидной коляски на чистый воздух обустроенного двора, а самое главное, уверенностью в себе и своем будущем. У него все так же случались приступы паники в помещениях с высокими потолками, так что он совсем отказался от посещений торговых центров, театров, аэропортов и вокзалов, но он больше не считал, что его жизненный полет прерван и он, как сбитый «Боинг», обязан страдать и разваливаться на куски. И вот жизнь снова дарила ему возможность почувствовать себя живым и полноценным.

Следуя алгоритму создания программного продукта, Марк в первую очередь надумал определить задачу, которую нужно было решить, перед тем как действовать. Виктор настаивал на поиске виновного в гибели Марины, но Озеров даже не был уверен, что виновный существовал и все это не фатальное стечение обстоятельств. Значит, нужно найти доподлинные доказательства того, что произошедшее с Мариной не было случайностью.

Несмотря на свои осязаемые знания в технике взлома серверов с информацией, Марк очень не хотел пользоваться этой возможностью. Последние шесть лет он был независимым консультантом по защите сетей от хакерских атак. Он знал этот мир не понаслышке. Вот уж кто были пиратами двадцать первого века, а не тощие негры

в Аденском заливе. Ежедневно на abordаж берутся тысячи серверов с сундуками информационного золота, миллиарды долларов присваиваются этой чертовой кодлой под маской анонима. И то, что они не стреляют в голову жертвы, совсем их не оправдывает, как бы хакерское сообщество ни пыталось это представить. Над кибермошенниками висит ореол романтики, как над пиратами Карибского моря, но точно как и флибустьеры Генри Моргана, это лишь бессовестные охотники до чужого добра.

Марку нужно было найти точку начала расследования. Детективы. Он и не читал их особо. Пару сериалов на Okko составляли его детективный опыт. Но раскручивание запутанных атак на сетевых пользователей за долгие годы, возможно, сделало из него хотя бы нечеткую копию инспектора Мердока. По крайней мере, он так надеялся. Ведь что нужно для раскрытия преступления? Дедукция. Раздел логики. А с ней, Марк считал, у него все должно быть в порядке.

Он решил, что отсчет можно начать со смерти. Как запутанный клубок нужно разматывать с конца. Это точно установленный факт. Хотя и не совсем понятный. Виктор говорил, что на похоронах говорили о раке желудка. То есть непонятно, что стало причиной смерти: самоубийство, рак желудка или самоубийство как реакция на страшную болезнь? Ответ или хотя бы часть его может скрываться в патологоанатомическом вскрытии. Марк тут же вышел в интернет и нашел, что в случае подозрения на насильственную смерть судебно-медицинская экспертиза трупа назначается обязательно. Вот только ее результаты доступны полиции и близким родственникам. Вряд ли у Виктора есть возможность достать их.

Украденные деньги. Тоже очень непонятная история. Должно быть заявление в полицию? В банк? Если деньги украли со счета, то сначала в банк. Здесь получить нужную информацию еще невероятнее.